

**Протопресвитер
Александр Шмеман**

Введение в богословие

Курс лекций по догматическому богословию 1949-1950 гг.

Содержание

Введение

1. Первохристианская община
2. "Золотой Век" Православия
3. Византийский период и падение Византии
4. Школа русского богословия
5. Заключение

Введение

Введение в богословие - в этом курсе нужно сказать понемногу обо всем. Мы живем в иное время, чем то, когда Григорий Богослов не мог войти в баню или лавку за хлебом, не будучи схваченным кем-нибудь за рукав и не спрошенным: "Скажи, что правильнее "омоусиос" или "омиусиос"? Теперь так не богословствуют и к богословию относятся неприязненно или с недоверием. Богословие стало уделом одних богословов, специалистов, которые рассуждают о вопросах, никого больше не интересующих. Большинство христиан ограничивается простой верой и с подозрением смотрит на богословие, боясь, чего доброго, впасть посредством его в ересь. Это отношение способствовало превращению богословия в чистую науку, интеллектуальное занятие, цель которого - в самом себе, и которое не имеет никакой связи с жизнью. Даже большая часть священников, при обязательности для них богословского образования, из знаний, полученных за пять лет своего обучения, используют лишь те, что касаются устава и некоторых практических моментов. Прочее же никак не увязывается у них с реальностью. Здесь встает вопрос о целях и задачах богословия.

Я принадлежу к тем людям, которые верят, что богословие есть высшее призвание, что без него нет и не может быть христианства. И теперь, когда жизнь зовет к практическим делам, я скажу, что нужно богословское призвание, нужно искусство богословия, нужен возврат к прежнему богословию, что без этого не будет подлинного христианства, той веры, о которой говорится: "сия есть победа, победившая мир, вера наша".

Богословие или "теология" (*греч.*) есть учение о Божестве; оно существовало и до появления христианства. Теологами в древней античности называли тех поэтов, которые занимались происхождением мира (космогония) или богов (мифология), в отличие от философов, которые рассматривали вещи сами по себе. Даже в более поздние времена Платон богословием называл мифологию, как учение о богах и их происхождении. Только с появлением стоицизма, последнего цветка на древе греческой философии, понятие "богословие" получило тот смысл, который оно имеет и теперь: учение о природе и сущности Божества. В Римской Империи глагол "богословствовать" означал "обожеествлять императора, признавать его богом". В христианстве термин "богословие" появился не сразу. В начале он имел для христиан слишком языческий, мифологический привкус. Они с трудом привыкали обращаться с остатками языческих культов,

как, например, воскурение ладана - каждение. Еще в III в. - т.е. через двести лет после Рождества Христова - Климент Александрийский и Ориген по-прежнему называли богословами греческих поэтов. Однако у них уже появляется предчувствие, что подлинное богословие принадлежит христианству, что если у римлян оно есть культ императора, признание его богом, то у христиан оно должно означать провозглашение Богом Христа. Только в IV в. это слово вошло в христианский обиход.

Евсевий Кесарийский называет богословом евангелиста Иоанна и сам богословствует, развивая учение о Христе как о Боге. У греческих отцов богословие постепенно стало определяться как учение о **правильном** Боге, и с тех пор слово это прочно вошло в христианский словарь. Авторы аскетических произведений (Евагрий, Максим Исповедник) называют богословие третьей ступенью совершенства, богопознанием через молитву, ибо только так и возможно истинное познание Божества. Наконец, особое понимание того, что есть богословие, возникло на Западе. Для схоластов оно приобрело точный, научный смысл, и такое рационалистическое отношение к богословию существует на Западе и по сей день. Что касается православия, то у нас богословием называют многое (как и проповедью - ею считается всякое слово священника, сказанное с амвона. На самом же деле, в истинном смысле проповедью, киригмой - *греч.* - может быть только слово о Христе). Такое злоупотребление словом, или расслабление слова, есть первородный грех, яд которого отравляет и нашу церковную жизнь. Любое слово мы употребляем в любом смысле. Например, кто угодно может по-своему истолковывать слово "соборность", в то время как слово это - "кафолики" (*греч.*) - есть одно из определений Церкви и только Церкви и нельзя оперировать им в душевно-психологическом, неясном смысле. Прежде чем начать заниматься богословием, нужно принести обет не произносить слов вне их точного смысла, ибо какую кровью платила Церковь за нахождение слов, выражающих то таинственное, что заключено в ней, и какие это были "богоприличные" (Василий Великий) слова! И что такое догматы, как не те, в длительном процессе выработанные и высказанные словом понятия о вере христиан, про которую, в свою очередь, говорится: "Сия/вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди"!

Можно точно разграничить, что в богословии является богословием и что богословской наукой, т.е. теми подпорками, которые служат для утверждения здания. Эти подпорки и леса часто заслоняют само здание веры, без которой не может обходиться христианская душа, однажды погруженная в крещальную купель.

Что является объектом богословия и каковы его методы? Каждая наука должна найти то поле, которое она возделывает. Что же является объектом богословия? Для того, чтобы ответить на это, нужно задать себе вопрос, что такое христианство. Именно отсюда надо начинать изучение богословия. Скажут, что это самоочевидно, элементарно. Между тем, происходит постоянное смешение понятий, ибо Христос и вера постоянно смешиваются. Верить в Бога - еще не значит быть христианином. Вера в Бога есть просто деизм, а не христианство. Людей, верующих в Бога, миллионы, и такие люди были и тогда, когда пришел на землю Христос, и тогда, когда проповедовали апостолы. Но с пришествием Христовым все стало иным, ибо христианство - не просто утверждение, что Бог есть, а проповедь того, что пришел Христос Сын Божий и спас людей, что это событие совершилось в нашей человеческой истории. С точки зрения историка, есть, может быть, факты важнее этого, но для христианина вера в то, что произошло спасение мира - в захолустье, где-то на задворках, в среде маленького народа - является самым важным и включает в себе полноту всего. Для христиан христианство даже не религия, как это было в понятии римлян, т.е. связь человека с Богом, для христиан оно есть живая вера в Иисуса Христа Сына Божия. Когда я говорю, что я верую, то я этим утверждаю не новое учение, не новую мораль, не новый принцип. Я утверждаю, что акт этой веры спасителен и через это утверждаю некое богословие, за которым стоит определенный опыт, ибо только вера узнает, кто этот Спаситель, этот Мессия. То, что в этом утверждении уже есть богословие, мы видим из слов Христа, когда Он проповедовал ученикам перед своим Вознесением: "Идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа" (Мф, 28:19). Филарет Московский говорит, что,

прежде чем христиане стали называться христианами, они назывались учениками, и если христиане ими быть не хотят, то не для них было проповедано Евангелие.

Когда мы говорим: "Иисус Христос", мы исповедуем нечто. Если взять слово, которое можно найти в катакомбах, всего лишь слово или даже только знак, то оно одно уже было целым богословием. Слово это - IXQYS, а знак - рыба, ибо по-гречески оно значит "рыба". Древние христиане расшифровывали его как - I (Иисус), - X (Христос), - Q (Божий), - Y (Сын), - S (Спаситель). В этом знаке заключено все последующее христианское богословие. "Иисус" было самое распространенное в те времена имя. Но к данному имени здесь прибавлено слово "Христос", т.е. "Помазанник", "Мессия". Сказать: "Иисус Христос", значит, утверждать, что Иисус, т.е. простой человек, есть Помазанник Божий. Ко дню явления Мессии, дню великому и страшному, шел весь Ветхий Завет. Но Ветхий Завет не узнал Его. А узнать Его - значит исповедать. Мессию ждали и знали, что Он будет от Бога. Но Христос пришел и сказал, что Он **есть** Бог.

Таким образом, один знак этой рыбки, одно имя "Иисус Христос" может наполнить всю нашу жизнь. Но это не дано нам сразу в нашем опыте, так как не есть нечто самоочевидное. Опыт этот приобретается, если каждое утро, просыпаясь, мы будем произносить имя Спасителя так, как будто мы слышим его первый раз в своей жизни. Ибо вера рождается ежеминутно и ежеминутно возобновляется (верующий "жить будет Мною" - Ин. 6:57), ибо ошибочно говорить: "Я поверил навсегда". Вера есть постоянное обновление того ядра, которое составляет объект веры. В Первом послании к Коринфянам (1 Кор.: 1-2) апостол Павел напоминает им, что "Евангелие, которое я благовествовал вам", есть то, "которым и спасаетесь". В Евангелии заключена весть о жизни, смерти и воскресении Христа. Она-то и есть объект нашей веры.

Здесь проходит строжайшая грань между богословием, и особенно христианским богословием, и философией. У нас есть тенденция смешивать богословие и философию. Однако философия не основывается на вере во что-то. Исходным пунктом ее являются какие-либо принципы (скажем, платоновское учение об идеях), которые она развивает; она есть интеллектуальное занятие. Христианство же - иное. В учении апостолов мы не найдем ничего абстрактного, никакой философии; даже слов "Троица", "богочеловечество" мы там не встретим. Христианство не было учением, оно было узнаванием факта, которого люди раньше не знали. Оно было вестью о новой жизни, данной человеку. Как эту жизнь описать, как дать о ней понятие? Какое-либо учение можно воспринять интеллектуально. Христианство же есть новая весть, факт, который совершился в мире. Поэтому все христианское богословие основано на откровении. И откровение это дается человеку больному и падшему. Всякий философ, поскольку он мыслит логически, считает, что он возвещает истину. Христианство говорит о том, что истину возвещает с неба Бог, ибо все пало. Религиозная философия удалась и привилась в русской культуре. Но профессора богословия должны оградиться от религиозной философии, которая не есть богословие, ибо богословие знает только откровение, истину от Бога, данную не снизу, а сверху.

Прежде, чем мы это поймем, мы сами должны измениться. Многие возражают: "Но Евангелие написано людьми". Да, однако, не наши потребности определяют богословие: мы должны приспособляться к истине, а не она к нам. В античном мире человек считался мерой всех вещей, в христианстве мера всех вещей - Бог. И богословие есть наука, которая своим объектом полагает Бога и все божественное. Оно есть раскрытие Откровения на основании самого Откровения - Евангелия, благой вести о жизни и смерти Христовой. Глубочайшее внутреннее тождество богословия и Откровения постигается через определение природы богословия. Последнее берет человека и ставит его перед дверью Откровения, где должна молчать "всякая плоть человеческая", ибо "входит Царь царствующих и Господь господствующих". Откровение является специальной сферой богословия; **назначения** богословия - раскрытие этого Откровения. Каждый из нас призван сделать это богословие своим жизненным источником и защищать его от замутнения.

Богословие есть продукт сложного развития, связанного частью с историей Церкви, частью - с патологией. В развитии богословия имеется несколько периодов:

1. Церковь живет первохристианской общиной без научного богословия. Этот период заканчивается Оригеном, который есть первый из больших богословов отеческого стиля. Ориген не удержался в православии, и некоторые составные части его учения осуждены

Церковью. Его роль в истории Церкви была роковой, и он не входит в число святых отцов. Но этот человек любил Христа и имел гений богословия. Лучшая книга о нем принадлежит перу профессора патрологии Institut Catholique в Париже, Jean Danielou и озаглавлена "Origene".

2. Золотой век православия, век святых отцов. Он длится с IV по VIII столетие. В этот период жили великие отцы Церкви: свв. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, создавшие золотой фонд православного богословия.
3. Византийский период. В нем выделяется имя патриарха Фотия. Этот период приходится на IX в.; относительно него можно говорить о фотиевском богословии, идеи которого были впоследствии разработаны Церковью.
4. XV - XVII вв. В XV в. пала Византия, но до своего падения она успела передать свое наследие славянам. Болгария разделила судьбу Византии - турецкое иго. Судьба России тоже была тяжелой в эту эпоху (см. книгу о. Г.Флоровского "Пути русского богословия").
5. Новая история, XVIII в. Школа русского богословия зарождается в Киеве под сильным влиянием Запада, которое шло через Польшу. Это новое "школьное" богословие, куда входит догматика, Новый и Ветхий Завет, другие разделы, выработано на Западе и находится под влиянием западной школьной традиции. В этих науках есть внутренняя солидарность, что полезно, но может быть и опасным.

Дадим общее представление о каждом из вышеупомянутых периодов.

1. Первохристианская община.

Крещение как основная черта первого периода

Первоначальный "заряд", т.е. то, с чем вышло христианство в мир, не был какой-либо философской системой. Это была проповедь о некоторых фактах, имевших место в истории, и проповедь эта сама приводила к некоторым фактам. То есть: из фактов, о которых проповедовалось, нужно было сделать соответствующий вывод - нужно было креститься. Таким образом, неразрывная связь проповеди и крещения является особенностью раннего христианского богословия, которое не было богословием кабинетного типа. Предпосылкой для дальнейших выводов из него являются слова Христа: "Научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа" (Мф. 28:16). Поэтому первый тип богословия, который мы находим в Церкви, это исповедание веры, произносимое крещаемым перед крещением. Великая функция восприемника есть, по сути, страшная, вещь; в настоящее время люди относятся к ней слишком легко. Восприемник обязан отвечать за крещаемого. Сегодня же это сводится лишь к участию в домашних, семейных праздниках и только, восприемник даже не считает обязанностью довести свое "engagement" до конца.

Вот первое, что мы встречаем по этому поводу в Деяниях апостолов: возвращавшийся из Иерусалима вельможа, сидя на своей колеснице, читал пророка Исаию. Апостол Филипп, который встретился ему по дороге, благодаря промыслу Божьему, спросил его: "Разумеешь ли, что читаешь?" и объяснил ему место из Писания, которое читал тот человек, благовествуя таким образом ему о Христе. Когда, продолжая путь, они приехали к воде, эфиопский евнух (а читающий был им) сказал: "Вот вода; что препятствует мне креститься?" Филипп ответил ему: "Если веруешь от всего сердца, можно". Вельможа сказал: "Верую, что Иисус Христос есть Сын Божий". И Филипп крестил его (Деян. 8:26-40). Слова вельможи, "мужа эфиопянина", являются, таким образом, уже жизненным исповеданием, кратким символом веры.

Раннее богословие имело свои **крещальные символы**. Для евреев Иисус был Мессия, для язычников - Бог. Чтобы стать христианином, от человека, иудея или эллина, требовалось признание одного или другого; Церковь никогда не обходилась без элементарного богословия (т.е. без самого основного: "элементарное" мы употребляем здесь во французском понимании: element как составляющее основу чего-то).

Слово "Господь" как символ. Если одна часть христиан в раннюю эпоху придерживалась иудейских традиций, то другая была разбросана в греко-римском мире. Мир этот стал гнать христианство, и одной из причин, в данном случае, явилось христианское понятие "Кириос", т.е. "Господь". В этом слове было заключено некое исповедание. Римская власть в целом была терпима к другим имевшимся на территории империи религиям. Единственное, чего она требовала от своих подданных - это признания цезаря Господом. Поэтому, когда престарелого Поликарпа Смирнского привели на форум, от него требовали лишь: "Скажи, что цезарь - "Кириос". Слово "Кириос" имело до II в. в христианстве совершенно особый религиозный смысл. "Господом" назывался тот хозяин, с которым человек был пожизненно связан и которому служил до смерти. Исходя из этого надо понимать и слова Христа: "Никто не может служить двум господам" (Мф. 6:24). "Кириос" писалось в катакомбах во время гонений, как имевшее этот особый смысл. Когда власть стала обожествлять императора, и он стал "Кириос", "имеющий власть", христиане должны были особенно против этого насторожиться. Ибо с принятием христианства и крещением они переходили в новое "подданство" ("Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса" - Деян. 2:36). Это новое подданство обязывало их оставить все прежние привязанности, существовавшие до сих пор в их жизни, или допускать таковые постольку, поскольку они не противоречат ему. И если Римская власть, будучи религиозно терпимой, требовала лишь поклонения императору, то христиане в этом отношении как раз и не могли быть терпимы, т.к. для них Господство, Церковь, Христос были реальными. Не понявший истины о том, что Христос пришел разрушить державу дьявола, не мог быть христианином и становился изменником.

Теперь мы не придаем того значения словам, какое придавали им в те времена. Сегодня, когда священник произносит: "Благословенно **Царство**", мы переносим Царство в другой, загробный мир, который наступит после нашей смерти. В древние же времена все слова, все знаки были реальны и за слово "Царство", за эту весть о нем христиане умирали. Стать христианином значило перейти из одного мира в другой. Мы не чувствуем реальности вещей мира сего, т.к. на них не стоит особого знака. Мы можем ходить на базар, покупать любые вещи, читать любые книги (допустим, произведения Сартра), потому что на них не стоит антихристианского знака. Но первохристианин не мог пойти в баню с язычниками или на базар, где продавалась окропленная идоложертвенной кровью пища. Он как бы вычеркивался из жизни этого мира, он действительно принимал другое подданство.

Итак, слово "Господь", как крещальный символ, с самого начала входило в жизнь христианина. Это слово - такой же источник богословия, как и слово "Христос". И если первый источник богословия есть крещение, то исповедание Господа тоже огромное богословие.

Богословие стало развиваться по-настоящему, когда началась борьба с ересями. Можно жить одним знаком рыбы, глубокий смысл которого: Иисус есть Христос, Сын Божий, Спаситель. Можно жить одним словом "Господь", также содержащим в себе огромную богословскую глубину. Зачем же Церковь создавала еще и громоздкие системы богословия? Они понадобились тогда, когда Церковь должна была оградить себя от всех тех ядов, которые начали проникать в нее из языческого мира. Это не было абстрактной защитой, как теперь, когда у нас проходят богословские споры. Вспомним недавний спор о богословии о. Сергия Булгакова: он тоже носил абстрактный характер, спорящие не указывали, что именно губительно в данном богословии. А в первые века Церковь защищала от ядов не некую теоретическую истину, а самую сущность веры.

Одной из первых ересей был докетизм, учение о призрачности Христа как человека. Эта ересь опиралась на слова Св. Писания о том, что Спаситель "принял образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек" (Флп. 2:7). Но, возражал на это Игнатий Антиохийский, если Христос не был человеком, то зачем же страдаю я? В том и сладость, продолжает он, что Христос был человеком. "Сладость - в том, что Он Эммануил, "с нами Бог" (Игнатий Антиохийский. Послание к Римлянам). Для такого человека, как св. Игнатий, Христос действительно был Эммануил, он чувствовал Спасителя в своей плоти и крови, а потому и защищал всей своей жизнью.

Так защищала Церковь саму себя - кровью святых мучеников. "Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет" (Лк. 12:34). Это и создало силу отеческого богословия.

Итак, богословие основывается на самой **вере в Церковь**, которая есть не просто вера, утверждающая бытие Божие, - она утверждает **факты, бывшие в истории**. Из этой веры вырастает сложное и многоветвистое дерево, называемое богословием. Одной из главных причин, заставивших Церковь изложить эти свои утверждения, была борьба с ересями. Но чем она их обосновывала? С самого начала своего существования Церковь обладала Ветхим Заветом, на который ссылались и Сам Христос, и апостолы. Первое время она вообще была сектой внутри иудейства. "Исследуйте Писания", - говорит Христос (Ин. 5:39). Сейчас перед нами снова стоит проблема Ветхого Завета.

Перерыв, когда христианское сознание отошло от традиции, закончился, и христиане всех исповеданий вновь обращаются к Ветхому Завету. В наших современных учебниках по богословию нет, например, объяснений того, как пророчество о Святой Троице связано с явлением трех ангелов Аврааму; история Ноя часто излагается лишь в качестве морального поучения; образ трех отроков в печи приводится только как пример веры. А между тем, Христос и апостолы свое дело понимали в свете Ветхого Завета: "Исследуйте Писания... а они свидетельствуют о Мне" (Ин. 5:39). Под Писаниями здесь подразумевается Ветхий Завет. Христос был его исполнителем, совершителем, увенчанием. И то, что Иисус был Мессия, нельзя понять вне Ветхого Завета.

Христос есть главная надежда Ветхого Завета. Вначале Он тот, кто должен спасти еврейский народ от плена. С течением времени вера в Мессию приобретает все более духовные очертания - Христос как последнее откровение Истины. Само имя Иисуса Христа есть уже ссылка на Ветхий Завет. Но как раз в этой точке и произошел разрыв между иудейством и христианством, т.к. Иисус, пришедший на землю и умерший на кресте, не был признан Мессией иудеями. В связи с этим непризнанием многие думают, что в настоящее время Ветхий Завет сделался ненужным. А между тем, в первые века христианства Ветхий Завет был насущной пищей христиан, чтение и объяснение его являлось ежедневным занятием.

Вообще, I-III вв. не знают иного богословия, чем истолкование Св. Писания, т.е. богословия экзегетического. Первое, что имела Церковь, было той верой, которой жили иудеи, верой, основанной на фактах. В наше время многим они кажутся мифологией, но мы, христиане, продолжаем верить, что иудеи - богоизбранный народ, что их история - некое божественное откровение. Поэтому Ветхий Завет важен для нас прежде всего не с точки зрения морали, а как подготовка к принятию обетования Мессии.

Первое в составе Евангелий, Евангелие от Матфея, начинается перечислением тех ветхозаветных людей, которые дали плоть будущему Христу. Это не есть история святых - наоборот, в этом перечне мы встречаем имена грешных и даже многогрешных людей, причем они как бы подчеркнуты. Подчеркнуты для того, чтобы показать: никто из них сам- по себе не заслужил божественного избранничества. Бог сам избрал их для проведения через этот грешный, но избранный им народ Своего промысла о мире. Весь Ветхий Завет есть история измен и отпадений народа от своего Бога, но плодом этого еврейского древа явилась Пренепорочная Дева Мария, которая Ветхий Завет и закончила. В Новом Завете, к огромному материалу, дающему представление о Боге и вере в Него народа Израильского, прибавляется еще утверждение, что все обещанное человечеству Ветхим Заветом совершилось в Иисусе Христе. Поэтому апостольская Церковь долгое время обходилась без собственных книг. Ориген говорит в III в.: "Все - в Ветхом Завете. Все есть учение о Нем (о Христе - о. А. Ш.)". И действительно, если мы возьмем, например, псалмы, написанные за тысячелетие до возникновения христианства и вне специальной религиозной цели, мы увидим, что все в них проникнуто мыслью о грядущем Спасителе. В любом тексте, в любой книге Ветхого Завета мы можем встретить поразительные откровения о Христе. И вне этой предпосылки, т.е. вне веры в то, что Иисус есть Христос, Ветхий Завет теряет свой смысл и становится непонятно, для чего он написан. Для нас же, верующих, Ветхий Завет есть как бы постепенно проясняющийся и возрастающий образ Христа. И когда Иисус сказал: "Совершилось!" (Ин. 19:30), то это значило, что истина пророчеств о Нем исполнилась. Наступили "последние времена". Иоанн Богослов постоянно повторяет: "Дети! Последнее время!" (например, 1 Ин. 2:18) Теперь говорят, он ошибался. Но утверждая это, мы, тем самым, навязываем первохристианам наши мысли, ибо если святой Иоанн ошибался в этом пункте, то, значит, он ошибался и во всем

остальном. Церковь в те времена жила эсхатологическими чаяниями, т.е. ожиданиями конца ("та эсхата" - конец- *греч.*) А мы? Когда мы повторяем: "Да придет Царствие Твое", о чем мы думаем при этом? Конец уже наступил. Христос есть Альфа и Омега, Начало и Конец, и в Нем все открыто и все дано. Никакой новой истины уже не будет даровано людям, ибо вся полнота ее уже дана. Это последнее время может длиться миллионы лет. Церковь есть то странное общество людей, где все обращено к одному и тому же, тому, что уже было. Церковь всегда обращена к прошлому и одновременно к будущему - к тому Дню, "великому и страшному", дню Страшного Суда. И Страшный Суд будет то, что всякий признает, что Иисус есть Христос. Церковь есть те младенцы, которые знают псе, которым открыто все ("Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам" -Лк. 10:21). И дни ранней Церкви запечатлены этим откровением, этим ожиданием, заключающимся в том, что Христос уже пришел. Вся суть перво-, да и вообще христианской веры можно выразить словами: "Господь пришел, Господь приходит, Господь придет!" ("Маранафа" - Ей гряди! - *др.-евр.*). Все то, что сейчас видно "как бы сквозь тусклое стекло, гадательно" (1 Кор. 13:12), станет явным в день Второго Пришествия. И "последние времена" это время Церкви, живущей этим ожиданием.

Но время шло, и становилось необходимо считаться с окружающим миром. Человек не есть *tabula rasa*. У него имеются какие-то предпосылки; поэтому истина о Церкви была дана миру на том языке, на котором он был способен ее воспринять. Апостолы не сразу начали записывать свои воспоминания о Христе, не сразу появились и Евангелия, которые есть лишь малая часть того, что было написано и передавалось устно о Спасителе в то время. Очень много из этого осталось в апокрифах, не попавших в разряд канонических книг.

Евангелия писались по разному поводу и с различными целями. Евангелие Иоанна Богослова написано на греческом языке и открывается словами: "В начале было Слово". Слово или по-гречески "Логос" есть термин греческой философии (см. сочинение князя С. Трубецкого "Учение о Логосе"). С какой удивительной простотой апостол Иоанн берет этот ходячий в греческой философии термин и применяет его в отношении Спасителя, как бы говоря грекам: "Вот видите, Логос, о котором вы столько слышали, - это и есть Христос!" Далее апостол Иоанн не употребляет этого нового, введенного им в христианскую терминологию слова, однако его пролог уже есть тот мост, по которому христианская мысль получила возможность двигаться, когда она хотела объяснить внешнему миру смысл христианства.

Столкнуться с ним, с этим миром, Церкви пришлось очень скоро, и столкновения эти были двоякие. С одной стороны, они были связаны с гонениями на христиан, с другой, - со всей его культурой, заключавшей в себе в то время яд гораздо более тонкий, чем содержащийся в гонениях. Эрнест Ренан называет греческий мир той эпохи "*le miracle grec*"; мы и теперь поражаемся красоте и законченности форм этого мира. "Греческое чудо" продолжает владеть умами людей до сего дня, а в XV в., например, Возрождение хотело целиком погрузиться в него. И вот, простые галилейские рыбаки бросили вызов такой культуре.

Чем жил этот мир? Какова была его философия, его понимание Бога? Мы не найдем здесь грубого язычества, которое можно было, как Перуна, стащить в Днепр. Никто в 1 в. пашей эры не верил в истуканов. Здесь имела место вера в нечто, гораздо более глубокое, а именно: вера в природную гармонию. Греческая мысль всегда стремилась уйти от всего случайного к гармоничному. Гармоничное и было для нее вечным. Греки не интересовались историей, не любили и не ценили ее; они любили то, что существует в мире всегда, и за отдельным фактом, за отдельной человеческой личностью стремились увидеть общий закон. Все в мире циклично, все постоянно возвращается: весна, лето, осень, зима; все гармонично, все повторяется. Греки гнушались всем конкретным и историческим. Какая же это была разница с христианской проповедью, учившей, что мир во зле лежит и что смерть - позорная казнь Христа - спасет мир от этого зла!

Христиане верят, что спасение совершилось в истории, "при Понтийском Пилате". Это указание соединяет в себе абстрактную теорию спасения с жизнью мира. Так христианское богословие и греческий мир противостояли друг другу, друг друга не понимая. Христианство хотело, с одной стороны, оградить себя от него, а с другой - взорвать этот мир культуры. Данный

период христианской истории можно охарактеризовать как **христианизация эллинизма или эллинизация христианства**.

Христианство было изложено на языке греческой философии. Все чудо древней Церкви заключалось в том, что эллинизм был воцерковлен. Парадоксально, но все еврейское ветхозаветное наследие - с рассказами о коленах Израильских, о битвах, победах и поражениях Израильского народа, с повествованиями о том, как Бог действовал в нем, - нашло себе выражение в языке эллинской культуры. Соединение этих двух разноприродных величин и создало раннее христианское богословие.

Но перед тем, как произошло это слияние, христианству пришлось испытать период борьбы с **гностицизмом**. Древний мир к I в. н.э. в большинстве случаев уже предпочитал иррациональной вере идею высшего знания, которое Бог дает лишь посвященным (что мы встречаем теперь в антропософии, теософии и т. д.). Тайные секты с различными ритуальными действиями, возникавшие в греческом мире под влиянием восточных культов, были очень распространены. Они давали пищу воображению, привлекали своей таинственностью. Христианство тоже несло в себе тайну, но эта тайна была иной, ибо Христос учит: "Что на ухо слышите, проповедайте на кровлях" (Мф. 10:27). Гностики заинтересовались христианством, т.к. оно казалось им новым союзником (христиане собирались по ночам, совершали какие-то таинственные обряды). Гностики пытались вобрать христианство в свои учения. Христианство распространялось очень быстро, и к нему часто присоединялись люди без особой, соответствующей подготовки. Поэтому гностикам удавалось внушить некоторым из них, что главное в христианстве не то, что Христос принес спасение, а то, что Он даровал тайные знания, которым можно научиться, став посвященным. Появились мифы, созданные на противопоставлении злого и доброго начал, хотя и несущие в себе какие-то отголоски христианского учения, но при этом в корне извращающие его. Гностики учили, что Христос не был человеком и пришел на землю не для того, чтобы вселиться в грязную и грешную человеческую плоть, но для того, чтобы сообщить людям некую тайну. Такое понимание порождало различные искажения христианства. Одним из них явился докетизм, который учил о призрачности явления Христа в мир.

Ощущая реальную опасность раствориться среди всех этих учений, Церковь решила точно оформить канон Священного Писания. Из большого, как мы уже говорили, христианского материала, который был распространен среди верующих, она выбрала четыре книги, названные ею Евангелиями. Протестанты считают, что православие подчиняет Евангелие Церкви. Но мы верим, что если Евангелие есть благая весть о Христе, то Церковь никогда не была без Евангелия; просто в определенный момент она почувствовала необходимость зафиксировать эту весть. И лучшим доказательством этой необходимости является то, что Евангелий у нас четыре, а не одно, что во всех имеется та же весть о Христе и что весть эта передается по сообщению того или иного евангелиста, т.е. засвидетельствована им. Поэтому, когда появились извращения Евангелия, Церковь сочла нужным сказать: "Вот Евангелие, вот засвидетельствованная истина". Потом к Евангелиям были прибавлены Послания, а к IV в. был зафиксирован весь канонический свод Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Итак, 1) вначале Церковь выявила основное ядро своей веры - Иисус есть Христос - в изобразительных символах (катакомбные знаки), 2) затем это ядро развернулось в Евангелия и 3) Символ Веры. В нем была зафиксирована вера в Бога как Отца и Творца (реакция на неприятие греками идеи творения из ничего), Вседержителя (отрицание дуализма самодовлеющих сил добра и зла), и во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, который стал человеком (а не призраком), и в Духа Святого (член Символа, никогда не получавший полного раскрытия); далее сразу говорится о Церкви и тем самым указывается на то, что Духом Святым Господь пребывает среди нас и живет в Церкви.

Во II в., как реакция на гностический яд, Церковью была определена и ее структура, которая зиждилась на **апостольском преемстве**. Иерархия явилась еще одним пунктом, через который Церковь определила свою веру. В дальнейшем христианская доктрина уже развивается как наука, но фундаментом не только ее учения, но и литургического опыта всегда остаются: символ, Евангелие и апостольская преемственность.

Церковь когда-то жила без писанного Евангелия и без оформленной иерархии, но она никогда не оставалась без Евхаристии. Это Таинство с большой буквой, дарующее Церкви в живом опыте ощущение вечного присутствия, вечного повторения того, что составляет саму ее сущность: Христос есть Бог, Он жил на земле, пострадал, умер и воскрес. В этом мистическом опыте присутствует и творение мира, и его падение, и его спасение. В литургии мы приобщаемся самого Источника живой веры, Он есть живое Евангелие. Какие бы тяжелые минуты не переживала Церковь, - сохраняя литургию, она сохраняет и свой объективный опыт. Основанием и критерием этого опыта являются не отвлеченные данные, а сама жизнь Церкви. И драма нашего времени та, что миряне перестали понимать, что такое богослужение. Только через литургию можно вернуть и возродить богословие и церковное благочестие. Внутреннее единство символа, Евангелия и иерархии дано нам в таинстве Евхаристии, непрестанно совершающемся, в полноту которого мы можем войти в меру наших сил.

Таким образом, источниками богословия и его основой являются: Священное Писание, Священное Предание и учение об иерархии, как они были определены Вселенскими Соборами и у святых отцов. Вспомогательное же назначение богословия есть: раскрытие и защита того, что уже существует в Церкви во всей полноте. Викентий Леринский определил Священное Предание и богословие как то, что всегда, всеми и всюду принимается. Богословие есть свидетельство не от моего таланта, а от той полноты, в которой я крещен. Всякий христианин поэтому - в какой-то мере богослов, свидетель Иисуса Христа пред Богом и миром, исповедующий, что Христос есть Сын Божий. Мы посланы в мир, как апостолы; в этом плане спасение мира зависит и от самих нас, ибо нам дано то, что мы должны передавать и другим - Предание. Церковь есть такое общество, которое должно продолжать дело Божие на земле.

Обозначим круг источников церковного богословия, который остается **неизменным**. Его составляют: Священное Писание, Священное Предание и литургический опыт Церкви. Если мы присоединяем к таковым последний, это не означает, что богослужебный чин, в смысле обряда, остается одним и тем же. Неизменен источник литургического церковного опыта. По отношению к этому неизменному ядру все остальное в богословии есть обработка или раскрытие с той или иной целью тех или иных фактов или идей, которые составляют предмет богословия. Но, прежде чем переходить к рассмотрению неизменных источников богословия, скажем еще несколько слов об исторических судьбах самого богословия.

К концу раннего периода Церкви, когда составлялись и оформлялись сами источники богословия, т.е. приблизительно к середине III в., мы замечаем отдельные попытки дать систематическое изложение того, что Церковь имеет в своем опыте. Родиной этого первоначального систематического богословия была Александрия, в которой происходила интенсивная богословская жизнь и где в ту эпоху уже существовал неоплатонизм. Там, под защитой блистательного александрийского Училища, или Музея, как его тогда называли, и родилась школа Климента Александрийского и Оригена (с подробностями учений этих богословов вы ознакомитесь в курсе патрологии, а сейчас мы лишь отметим отдельные течения богословской мысли). Итак, Климент Александрийский и Ориген могут считаться родоначальниками систематического богословия. Потребность богословствовать родилась впервые в Александрии - не только из желания защиты веры от ее врагов, но и из какой-то внутренней необходимости, из некоего богословского эроса. В наше время богословие часто противопоставляют святости, но ранние отцы являют нам на своем примере, что это не разнородные величины, не имеющие друг к другу никакого отношения; в то время богословие само приводило к святости, а святость - к богословию. Сам Ориген был фанатик аскезы, а не кабинетный ученый. Он еще с детских лет пытался удостоиться мученического венца, будучи сыном мученика; его письмо к отцу, брошенному в тюрьму за свои убеждения, - характерный образец религиозной установки Оригена.

Ориген прикован к Священному Писанию, которое является для него единственным источником как любых умозрений, так и самой святости. Он утверждает, что есть два способа причащения Христу: один - через вкушение Плоти и Крови Спасителя, другой - через Слово Божье. И эта любовь к Божьему Слову делает его богословие прежде всего экзегезой (т.е.

истолкованием). Полагая, что истолкование Св. Писания есть основание как богословия, так и христианской жизни вообще, Ориген почувствовал необходимость научного изучения его текстов. И если Ориген - отец систематического богословия, то он может считаться также и основоположником исследовательского подхода к Св. Писанию. Он изучил еврейский и греческий тексты Библии, сличил различные переводы Ветхого и Нового Заветов, пользуясь шестью колонками переводов, собрал в Александрии большое количество рукописей и версий текстов всего Ветхого Завета. Ориген оставил последующим поколениям богословов много различных толкований Св. Писания. Этим он задал тон дальнейшему изучению Писания и самому характеру богословия. Основным утверждением Оригена является следующее: все содержание Св. Писания - как Нового, так и Ветхого Завета - есть Сам **Христос**. Данный подход привел дальнейших истолкователей к так называемому типологическому методу изучения Св. Писания (типологию не нужно смешивать с аллегорией, т.к. первая есть нахождение прообразов, которые типичны для того или иного события и остаются зафиксированными навечно. Аллегория же - продукт времени, который не всегда совпадают с действительностью и исчезает, когда эпоха, его породившая, проходит). Пользуясь типологическим методом, Ориген находит преобразовательный смысл всего Ветхого Завета по отношению к Новому: ветхозаветная Пасха есть прообраз новозаветной, о которой ап. Павел пишет коринфянам: "Пасха наша, Христос, заклан за нас" (1 Кор. 5:7); освобождение иудеев из египетского и вавилонского плена есть прообраз спасения Христом рода человеческого и т. д.

Говоря о типах и аллегориях, уместно заметить, что в христианстве присутствуют еще и символы; в этом отношении вся наша православная литургия до конца символична. Очень часто эти символы понимаются как аллегории, т.е. как аллегорические изображения жизни Христа. К ним обычно относят малый вход, свечу, выносимую перед Евангелием, и т. д. Однако эти обычные истолкования - позднейшего происхождения. Подлинный символ имеет реальное значение; он есть не просто знак, но знак, наполненный смыслом. Так, только через символ нам дана возможность приобщиться Телу и Плоти Христовой, и в церковной практике, если священник на дискосе видит вместо хлеба-символа тело, то подобного рода явление признается Церковью состоянием прелести (искушением). Итак, аллегория есть нечто поверхностное, преходящее, типология же раскрывает внутренний смысл того или иного явления в его отношении к Христу, Церкви и к самой душе человеческой.

Пользуясь этим методом, Ориген в своем сочинении "О Началах" попытался объяснить начала христианской веры. Он сам подчеркивает, что система, предлагаемая им, является новой, и поэтому Ориген ее отнюдь не навязывает, а лишь предлагает. Учение его можно рассматривать как опыт философского объяснения веры. В сочинении "О Началах" Ориген говорит о творении мира и падении человека. Оно имеет огромное значение в качестве первого опыта догматического богословия.

Климент Александрийский, как и Ориген, также имел огромное влияние в деле определения будущей структуры богословия.

2. "Золотой Век" Православия

С IV в. начинается новая эпоха в истории христианства. Во внешнем плане это эпоха секуляризации, т.е. примирения Церкви с государством, внутри Церкви - начало длинного периода богословских споров, которые привели к более точному определению ее учения. К данной эпохе относится появление на церковном горизонте тех титанов богословия, которых принято называть **Отцами Церкви**. До этого жили Климент Римский, Игнатий Богоносец и другие почитаемые Церковью учителя, но собственной школы они не создали. Что касается отцов Церкви в специальном значении слова, таковыми называют богословов, живших в период между IV и XII вв. и выковавших нашу православную догматику. Их произведения составляют золотой капитал Церкви, которым она пользуется до нашего времени.

Потребность в нахождении и изложении точных формул веры появилась с началом **арианства**. В его основе лежал спор о божественности Иисуса Христа, поднятый - не позднее 315 г. - александрийским пресвитером Арием. В учебниках по богословию изложение его сути обычно несколько упрощено: в них, как правило, говорится, что Арий отрицал божественность Иисуса Христа. На самом деле, этот спор возник не из сомнений веры, а из некоего расхождения между актом веры и ее философской интерпретацией. Становясь христианином, человек должен был как бы перековать свой ум, сделать его способным к восприятию истины о божественности Спасителя. Старые инструменты, которые имелись в наличии, не годились для объяснения истин христианской веры. В факты рождения, жизни, смерти и воскресения Христова Церковь поверила раньше, чем стала думать о них, и жила радостью своей веры в реальность этих событий до того, как стала эту веру формулировать. Ум же необходимо было воцерковить и просветить ею. Эта перековка ума, перековка античных форм мышления на новые, нахождение нового языка для новой истины и есть заслуга отцов. Опять вспоминается Василий Великий, говоривший о "богоприличных словах". Нам с нашей практической установкой по отношению к жизни трудно понять, почему люди так спорили из-за каких-то слов. Трудно понять, т.к. мы не представляем себе, что эти слова (как, например, "омоусиос" т.е. "единосущный") были исповеданием тех неизреченных истин, которые нужно было одеть и специально сшитую для них одежду.

Арианский спор длился шестьдесят лет - между I и II Вселенскими Соборами - и привел к определению Тринитарного догмата (т.е. догмата о Св. Троице). В выковывании этого догмата участвовали Афанасий Великий, каппадокийские отцы - Василий Великий, Григорий Богослов - и некоторые другие учителя Церкви. Это первое поколение отцов отдало свои силы формулированию догмата Троицы, который выражается одним словом: "единосущие". Оно было внушено свыше Афанасию Великому; в дальнейшем, каппадокийские отцы занимались постижением его смысла.

Не успел кончиться этот спор, как начался новый, **христологический**. После того, как Церковь определила тайну Св. Троицы, немедленно возник вопрос о другой тайне: как сочетаются во Христе две природы - божественная и человеческая. История этого спора делится на два этапа, первый из которых связан с ересью **Нестория**.

Богословие Нестория не надо упрощать, сводя его к одному отрицанию Богоматери, т.к. на самом деле речь шла прежде всего о божественности Христа. Несторий - проповедовавший из Сирийской пустыни, а затем ставший архиепископом Первопрестольной кафедры Константинополя - учил об Иисусе, как о величайшем из пророков, в котором вся полнота Христова обитала телесно. Это учение многим импонировало. Против несторианского богословия восстал и победил его один из величайших отцов Церкви **Кирилл Александрийский**. Святой Кирилл первый дал формулу о богочеловечестве Иисуса Христа и исповедал, что Божия Матерь была действительно Матерью **Бога**, назвав ее богородицей ().

Второй этап споров о духах природы Христа связан с **монофизитством**, обратной несторианству ересью - ее сторонники видели во Христе одного Бога. Против этой ереси восстал целый ряд богословов, самым крупным из которых был папа Лев Великий. Их защита богочеловечества Христа привела к определению IV Халкидонского Собора (451 г.), утверждающему во Спасителе полноту Бога и человека "неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно". Эта соборная формула называется "орос", т.е. "ограда" или "определение".

Так возник христологический догмат, догмат о богочеловечестве Спасителя, вероопределение Вселенских Соборов, составляющее нечто неизменное и абсолютное. Если мы возьмемся за груды материала, сохранившиеся от Вселенских Соборов, то невольно встанет вопрос: что являлось основой их творчества? Отцы этих Соборов брали за нее **Священное Писание**. В настоящее время глубина понимания Св. Писания, которая имела место в описываемую эпоху, утеряна, и мы не пытаемся им так, как питалась Писанием древняя Церковь. Ранние же отцы, кроме ' объяснения тех или иных его мест и полемических писем против еретиков, базирующихся на том же Св. Писании, ничего после себя не оставили. Поэтому упреки протестантов относительно того, что в Православии недостаточно изучается Писание, неуместны, ибо все предание отцов Церкви пропитано и освящено им. Отцы были бы даже удивлены, скажи им кто-нибудь, что существует

иное богословие, кроме скриптуального. И если для протестантов Библия не просто книга, а Слово Божие, то и для православных, каждый раз, когда во время службы произносится: "И о сподобится нам слышанию святого Евангелия...", Слово Божие также является подлинной реальностью.

Итак, основным ключом к объяснению догматов веры всегда служило Св. Писание. Дальнейшая работа отцов заключалась в том, чтобы сочетать истины веры с понятиями греческой философии, т.е. в приспособлении философии к восприятию христианства или в воцерковлении умов. Когда возник спор с арианами, православный мир мучительно думал о том, что противопоставить этой ереси, диалектика которой, казалось, была сильнее. Арий ссылался на целый ряд текстов из Св. Писания, обосновывавших, по его мнению, его утверждения ("Отец Мой более Меня!" - Ин. 14:28), "О дне же том, или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец" - Мк. 13:32). И вот, когда богословы пытались научно ответить Арию, базируясь на Св. Писании, Афанасием Великим было внезапно выдвинуто слово "омоусиос". Оно отсутствовало в Писании и было совершенно новым в богословии, но только это слово, лишь оно одно могло спасти Церковь от арианской ереси. Только это слово подходило для того, чтобы догмат о божественности природы Христовой был утвержден окончательно.

В течении некоторого времени один Афанасий Великий, скрываясь от преследований в египетской пустыни у Антония, поддерживал эту истину; даже Василий Великий не был тогда еще сторонником понятия "омоусиос". Пятидесятилетний путь компромисса, сначала Восточной, а потом и Западной Церковью завершился, в конце концов, тем, что вся Церковь во главе с братьями Василием Великим и Григорием Нисским вернулась к Афанасию. Волнующее впечатление производит переписка Отцов по этому поводу и особенно тот момент, когда Афанасий увидел возвращение всей Церкви к истине, которую он всю жизнь отстаивал. Афанасий не был ни философом, ни особенно образованным человеком, но, несмотря на это, оставил церковное выражение истины. В подобного рода явлениях и заключается сила отеческого богословия; когда нужно было исповедание тех фактов, о которых повествует Св. Писание, то для выковывания "богоприличных слов" отцы не пренебрегали и профанным языком и, обращаясь к языку своего времени, употребляли его на служение истине. Как, по выражению Климента Александрийского, "вся медь язычества, все золото Египта пошли, по возвращении иудеев из плена, на украшение храма Единому Богу", то же произошло с созданием богословской терминологии. В этом отношении отцы Церкви имеют первенствующее значение, и не было и не может быть подлинного богословия, которое исходило бы не из отцов. То, что создали они, остается фундаментом на все времена; богословие не может быть понято без вхождения в мир отцов, хотя это другой мир и другая среда. Священный фундамент отеческого богословия ценен для нас тем, что он есть синтез правил веры и жизни.

3. Византийский период и падение Византии

После отеческой настала эпоха, связанная с печальным фактом разделения Церковью. Как таковой, он имел место в 1054 году, однако, процесс разделения был более длительным - общение между Церквами не прервалось тотчас после этой Даты. Можно сказать, что это разделение происходило с постепенным нарастанием и закончилось только в XII в., во время Крестовых походов, когда Церкви встретились и увидели друг друга в неблагоприятном свете. После окончательного разделения Восточной и Западной церковью начинается так называемый **византийский** период богословия.

Византийское богословие известно, по преимуществу, как богословие полемическое, направленное специально против Западной Церкви, против так называемых "латинян". Некоторые вопросы, кажущиеся нам теперь центральными, не ставились тогда вовсе. Раннее богословие (например, Иринея Лионский) было тоже полемическим, однако, здесь Церковь отстаивала факты; в византийском же богословии маленьким обрядовым проблемам зачастую отводится больше места, чем, скажем, проблемам *Filioque*, возникшим в споре Михаила Керуллария. Вообще,

византийское богословие, насколько оно известно широким кругам, питается, главным образом, ненавистью к Риму. Но это мнение широких кругов основано преимущественно на западных оценках. Подлинного же византийского богословия никто не знает, и существуют целые залежи рукописей Марка Эфесского, Григория Паламы (даже здесь в Париже, в Национальной Библиотеке), которые до сих пор не переведены на современные языки (правда, часть творений святителя Григория Паламы недавно были переведены на русский язык архим. Киприаном Керном). Главной ценностью этого богословия является переписка догматического богословия отцов на литургический язык, язык молитвы. Отражением этого творчества являются наши богослужебные книги. Два тома **Октоиха**, например, обнимающие 8 гласов и служащие базой нашей службы, насквозь догматичны, а так называемые "догматики" 8-ми гласов являются настоящими догматическими формулами, цитатами из святых отцов. На основании же воскресных канонов можно написать целый трактат о Воскресении.

Турецкое иго прервало византийское богословие до XIX в. Молодые греки, жаждущие знаний, отправляются учиться на Запад, в иностранные университеты, и живое предание Православной Церкви прерывается. Но, прервавшись в Греции, оно - в конце XVII в. - возрождается в России, а в наши дни - и в других православных странах. Чтобы понять, каким образом святоотеческие предания возродились в русской Церкви, нужно проследить историю развития западного богословия, ибо указанное возрождение произошло у нас не без западного влияния и не без западных методов.

Запад пошел совсем иным путем, чем Восток, и этот путь был ему навязан. С варварскими нашествиями Imperium Romanum раскололась на две части: Западная Империя оторвалась от Восточной. И если последняя продолжала развиваться как греческое православное государство, то западная часть Империи потонула в варварском море. С V по IX вв. здесь тянутся так называемые "темные века богословия": происходят подпольные процессы, результатом которых является возведение стройного здания западного христианства, отличного от того, которое было воздвигнуто на Востоке. Если символом восточного богословия может служить храм Св. Софии, то на Западе в результате иного духовного опыта появляется Шартрский собор, обходя который, можно ясно видеть картину развития католического богословия. Независимо от правильности или неправильности путей того или иного богословия, остается трагическая острота самого вопроса о разделении Церквей. И здесь, на западном пути, неким ответом на данный вопрос служит образ того, кто считается отцом западного богословия.

Он жил в ночи "темных веков" при зареве пожаров, освещающих нашествие варваров, в маленьком городке Северной Африки. Погруженный в богословие, он старался не замечать, как орды вандалов переходили Гибралтар и как разрушалась его родина, цветущая Африка, в то время блестящий рассадник римской культуры. Имя этого человека - Августин, епископ Иппонский. Нельзя ничего понять в западном богословском творчестве, если не знать так называемого августинизма. Блаженный Августин имел такое же влияние на Западе, как Ориген - на Востоке. Он создал яркую и законченную систему, которая положила печать на все последующее западное богословие и, вместе с тем, породила трещину, приведшую к разрыву между западным и восточным христианством. А родоначальником западных ересей, духовным отцом Лютера и Кальвина был Фома Аквинат, вся богословская система которого вышла из богословия блаженного Августина.

Вторым, после августинизма, источником западного богословия является **школьная традиция Рима**. В этой традиции было два цикла: низший и высший. Метод заключался в вопросах и ответах. Аргументы приводились сначала от разума, потом - из Священного Писания. Это был так называемый **схоластический** метод, в котором интеллектуальное жонглирование представляло серьезную опасность, и который Фома Аквинат довел до высшей точки развития. Его "Summa theologica" по необычайной стройности своих доказательств - высшее достижение схоластики. Этим методом в ту эпоху было проникнуто все, включая архитектуру. Если, как я уже говорил, обойти Шартрский собор, то можно найти в нем всю "сумму" западной схоластики, вплоть до чертиков на водостоках.

Но когда наступает высший расцвет чего-нибудь, тотчас же появляются и признаки распада. В схоластике таковым явилась победа внешнего формализма над внутренней содержательностью. Последний период Средневековья (до Ренессанса) есть в этом отношении уже эпоха падения. Ренессанс представляет из себя острый приступ, взрыв неоязычества. Это источник всех болезней, которыми мы сейчас болеем. Следствием Ренессанса была Реформация и появление Мартина Лютера, когда вспыхнула та солома, которая уже загоралась. На реформу Римская Церковь ответила контрреформой (Тридентский собор 1545 г.). С тех пор путь западного богословия раздваивается: католичество и протестантизм, два близнеца августинизма, ведут между собой бесконечный спор.

Новое западное богословие характеризуется, прежде всего, **повышенным интересом к истории**. Ввиду того, что весь пафос Лютера заключался в желании возвращения к чистому христианству, протестантам необходимо было доказывать, что оно имеет место у них. Католики настаивали на обратном. Из этой полемики родились "Магдебургские центурии", в которых протестантские богословы писали, что католичество с каждым веком (отсюда и название "центурии") все больше и больше отходит от первохристианства. Кардинал Бароний ответил им от лица Рима своими "Анналами" (т.е. "Хроникой событий"). Таким было начало научного историзма в новом западном богословии.

Вторым отличительным признаком этого богословия является **по-новому поставленное изучение Священного Писания**. Лютер провозгласил догматичность Писания, как единственного источника богословия. Отсюда возникла вся так называемая "библейская наука" с ее разветвлениями. Но как только реформаторы отказались от Св. Предания, само Св. Писание стало распадаться в их руках. В наши дни заметно начало некоторого возвращения к Преданию даже в протестантизме. Но в те времена все было неустойчивым, все предавалось критическому анализу, вследствие чего протестантизм частью выродился в либерализм, частью - в слащавый пиэтизм, представляющий из себя некое адогматическое христианство, форму дешевой сентиментальной взволнованности. Появилось бесконечное количество сект и т. д.

Таков был сложный путь западного богословия, в результате которого и определилась вся его нынешняя структура. Когда по окончании турецкого (в Греции) и татарского (в России) ига, Восточная Церковь начала возвращаться к богословию, эта структура была привита ей через Киевскую Академию, находившуюся тогда под влиянием иезуитов.

4. Школа русского богословия

Мы дошли до того момента, когда западное богословие попадает в Россию. Я уже говорил, что в итоге средневековой драмы и всех несчастий, постигших православную Церковь на Востоке, богословие, как живая культурная и школьная традиция, было прервано. Голубинский говорит даже, что древнерусские богословы были всего лишь грамотеями, но это неверно. До татарского нашествия на Руси начала нарождаться своя оригинальная традиция. Профессор Федотов в книге "The Russian Religious Mind" доказывает, что именно Киевская, а не Московская Русь, есть золотой век русской православной культуры. Его можно определить как побеги византинизма, привитые на русской почве. О том же говорит и прот. Г.Флоровский в "Путиях русского богословия".

Как русский язык, или, вернее, славянский, был осколком греческого, так и русская душа была, по выражению проф. Вейдле, как бы оформлена византийской культурой - благодаря значительнейшему культурному акту Кирилла и Мефодия, составивших славянскую азбуку и переведших греческие книги на славянские языки. Такие слова, как "благодущие", "благообразие", которым нет эквивалента в западных языках, суть слова, переведенные с греческого и являющиеся отображением греческой стихии и греческого способа мышления. И если в домонгольский период Русь не успела создать своей богословской системы, то она, во всяком случае, была близка к этому. Есть много свидетельств того, какие замечательные побеги дало в православной культуре

крещение русского народа. Наличие одного такого произведения, как "Слово о полку Игореве", уже показывает, как высоко была в то время способна подняться русская душа.

Исторические события сделали из России военно-сторожевую цепь, которая, волею судьбы, защищала Европу от вторжения азиатских орд. Это превратило Россию в тоталитарное государство с крепостным правом и всеми его последствиями, за спиной которого Западная Европа могла продолжать благодушно развиваться. В России же всякое самостоятельное развитие мысли было прервано. Оставались живая вера и благочестие русского народа, чему свидетельством является как сонм русских подвижников, оставивших нам свой опыт богопознания, так и русская икона, показывающая, что опыт Церкви продолжал питать русские души изнутри, несмотря на отсутствие школьного опыта. Результатом этого явился религиозный крах, ознаменовавшийся в XVII в. старообрядчеством. Старообрядчество было именно продуктом отсутствия у нас богословской науки, богословского размышления. Сейчас споры о том, как писать: "Исус" или "Иисус", могут показаться нелепыми. На самом же деле, старообрядчество имело законченную систему, которую нельзя было трогать без того, чтобы она не разрушилась и не потеряла ценность.

Таким образом создавалась особая русская культура, в которой отсутствует школьное богословие, но зато имеется прекрасное, законченное богослужение, канон иконы, освященный быт. Но так долго продолжаться не могло (что и показало старообрядчество), и еще задолго до Петра начались встречи с Западом, сближение с которым Петр лишь завершил. Уже при Алексее Михайловиче Россию наводняла масса европейцев и назревал кризис культуры, ознаменовавшийся таким бурным переломом. И тут, на его пороге, произошла **богословская встреча с западным христианством**.

Эта встреча имела место в Киеве. Западнорусское христианство было поставлено в другие условия, нежели те, которые существовали в Москве, выдерживая напор воинствующего богословия католиков и протестантов, продукта недавней Реформации. Польшу наводнили иезуиты, в связи с чем в Малороссии очень рано почувствовалась необходимость сражаться за свое православие. Стали выковываться богословские школы, т.к. со стоявшими на большой богословской высоте иезуитами надо было сражаться тем же оружием. Большую роль в этой борьбе сыграла Киевская академия, связанная, в свою очередь, с именем Петра Могилы. Он создал свою школу, которая получила известность как "могилянское богословие". Шляхтич Могила много лет учился у иезуитов и был проникнут этой системой и даже манерой думать, богословие в Киевской академии преподавалось по-латыни. Вследствие этого Петр Могила ввел в свою защиту православия западную манеру. Но, несмотря на это, православие в Киеве было очищено и защищено от ереси римского католицизма.

В XVII в. многие киевские ученые приезжают в Москву. Среди них наиболее выдающимися могут считаться Симеон Полоцкий и Вишневецкий, продукты ополяченного дворянства, явившиеся родоначальниками первой духовной школы, открытой в Москве. Вскоре там открывается и академия, которая получила название "словено-греко-латинской"; преподавание в ней, так же, как и в киевской, велось на латинском языке. Ее возникновение положило начало целой сети духовных академий, семинарий и школ, покрывшей всю Россию. Система преподавания в них была целиком перенята с Запада; еще сто лет назад, до середины XIX в., наши сельские священники учились по-латыни. Митрополит Филарет Московский всю свою "богословию", как тогда выражались, учил на этом языке. От языка же многое зависит. Поэтому, как говорил о. Г.Флоровский, люди "молились по-славянски, а думали и богословствовали по-латыни". Язык Церкви стал не языком школы, а язык школы не языком Церкви, в результате чего между ними возникло разделение, и школу приучились искать на Западе. Даже фамилии поступавших в духовные семинарии студентов переделывали на латинский лад (например, Беневоленский, Бенедиктов, Бенефактов); отсюда пошли как "поповские" фамилии, так и особый "поповский" язык. Само слово "семинария" было взято с Запада. Оттуда же был взят и весь особый мир духовной школы, и между ним и жизнью Церкви получился разрыв.

Богословие, которое сложилось в результате этих влияний, можно охарактеризовать двумя чертами.

Во-первых, это специфически **школьная** наука без намека на другую, кроме развития ума, роль, что является чисто западным влиянием. Для святых отцов богословие не есть лишь наука, но нечто иное. В семинариях же того времени целью ставилось просто приобретение некоторого запаса знаний. Все старые школьные богословские учебники, катехизисы писались под влиянием западной традиции. Она ощущается в этой области и по сей день, начиная с системы вопросов и ответов наших катехизисов: "Что есть Закон Божий?" - задается вопрос ребенку.

Во-вторых, в это школьное богословие проникло и содержание западного богословия. Суть знаменитой диссертации Самарина, посвященной Феофану Прокоповичу и Стефану Яворскому, сводится к тому, что Яворский-католик и Феофан-протестант крушили друг друга, один - католическими, а другой - протестантскими аргументами, и о православии мыслили с протестантско-католической точки зрения. Даже такая фигура, как святитель Тихон Задонский, пользовалась книгами западного богословия, например, "Подражанием Христу" Фомы Кемпийского или работами Арндта. И если Тихон Задонский сумел переварить эти западные влияния, то исключительно благодаря тому, чем билось его сердце, как внутренне православного человека. Архиепископ Димитрий Ростовский тоже перенес на себе влияние западного богословия.

И все-таки, попадая на русскую православную почву, методы западного богословия оставались чуждыми духу Православия, даже если и воспринимались умом. Сам же ум, однако, формировался как тем, каким образом ставились богословские вопросы, так и тем, какие ответы давались на них. Возьмем, например, догмат искупления, один из центральных догматов нашей веры. Кому была принесена жертва Христова? - задает вопрос западное богословие. Отцы Церкви так вопроса бы не поставили. Но такая постановка вопроса до сих пор может быть присуща православному сознанию, чему примером служит хотя бы книга на тему об Искуплении, написанная недавно митр. Антонием Храповицким. То же можно сказать и по поводу других вопросов нашей веры. Каковы атрибуты Бога? Каковы свойства Божьей справедливости? и т.е. - подобного рода схоластическая постановка вопросов искажала то, что было выращено Православием, и постепенно удаляла русских богословов от истоков православного богословия.

Подлинное Православие оставалось жить в быту. Никому до собора 1917 г. не приходило в голову, что богослужение само по себе (литургия или всенощное бдение) может быть источником богословия, - настолько ум привык искать его лишь в учебниках. Но надо отдать справедливость поколению Бенефактовых и Туберозовых, над которым теперь подсмеиваются, - если бы его представители, увлекаясь "модным" богословием, забыли то, что хранилось их предками, может быть, до нас бы и не дошло все ценное, что мы имеем сейчас. Ибо, несмотря на западные влияния, это поколение сохранило для нас - через быт и богослужение - нечто исконно православное, что легло в основу нашего школьного богословия, пусть и облеченного в то время в латинские одежды.

Помимо латинских каналов, по которым к нам проникало школьное богословие, была еще вторая струя школьного богословия, которую можно назвать **богословием светским**. Постепенное выделение священства в особую касту было естественным следствием распределения по сословиям всего русского населения (факта, скрепленного даже государственным законом). Единство культуры и Церкви, которое существовало на Московской Руси, нарушилось. Русская культура после пресловутого окна в Европу, прорубленного Петром, была поставлена на другие рельсы. От Церкви же оставалась скорее ее бытовая сторона, и никто не связывал с ней какой-либо культурной проблематики. В середине XIX в. в связи с философским пробуждением в Германии, под влиянием Фихте, Гегеля, Шеллинга в России тоже начинается пробуждение философских интересов. В 40-х годах не Саровская пустынь привлекает русскую интеллигенцию и является для нее духовным центром, а Берлинский университет, где кафедру философии занимают представители идеалистического направления в немецкой философии. Сами проблемы идеалистической философии ставятся так, что рождают вопросы историософского характера: о смысле исторического процесса, о задачах отдельных стран и народов (см. Чижевский "Гегель в России"). И молодые русские студенты, окружавшие кафедры немецких профессоров, начинают задумываться над судьбами России и ее загадкой. Появляются

славянофилы и западники, старавшиеся, каждый по-своему, дать ответы на вопросы, волновавшие современные русские умы. Славянофилы (А.С.Хомяков и др.) считали, что судьба России неотделима от Православия; западники (В.Г.Белинский и пр.) думали, что судьба России должна быть слита с судьбами западных стран. Так германская философия совсем по-новому оплодотворяла русскую мысль. Этим путем прошли сначала старшие, а потом и младшие славянофилы. Русская интеллигенция стала интересоваться Церковью, и, начиная с А.С.Хомякова, у нас появляется светское богословие (Владимир Соловьев и уже в наши дни - Н.Бердяев, о. С.Булгаков). Таким образом, любящие противопоставлять А.С.Хомякова и др. "гнилому Западу", неправы, ибо они забывают, что само славянофильство выросло из западной философии.

Одним из волнующих фактов, происшедших на наших глазах, явилась встреча путей, бывших столь долго разъединенными: пути Церкви и пути культуры. Произошло это в апокалиптические годы русской революции, и в наши дни мы видим сочетание священства и профессуры в одном лице (например, о. В.Зеньковский), как некий символ участия русских культурных сил в жизни Церкви.

Богословие не является чем-то раз и навсегда готовым и очерченным, как бы упавшим с неба. Оно есть продукт непрерывного творческого процесса, который можно охарактеризовать как "творимая современность". Богословие всегда будет зависеть как от наших духовных потребностей, так и от степени слияния его с православной Церковью и проникновения той Истиной, которую Церковь с собой несет.

5. Заключение

В чем состоит богословская наука?

Основой всякого богословия является Священное Писание, а главными темами богословского размышления (из которых каждая в наши дни ставится по-новому): 1) тема Слова Божия, 2) тема Церкви, 3) тема Истории.

Цикл "Введение в богословие" я закончу несколькими словами о методе, т.к. этот вопрос, самый сложный и трудный, является таковым особенно для богослова.

Богословие все больше и больше превращается в точную науку, стремится **быть** одной из наук. С одной стороны, от богослова требуется то же самое, что требуется от каждого ученого. С другой - у нас еще особое призвание служить Богу своим Логосом. Теперь ум человеческий дискредитирован, люди говорят: "Сердце человеческое лучше и выше ума". Поэтому ум надо реабилитировать не по человеческому разуму (*ratio*), а по Логосу, через который воплощается подобие Божие в человеке. Ум надо сначала воцерковить и для этого усвоить те ценности простого научного метода, который теперь презирают.

Всякая наука, заслуживающая этого названия, отличается, прежде всего, честностью и требует интеллектуального критического подхода. Мы обычно пугаемся критики и думаем, что она противна христианской морали. Но насколько она определялась трезвым взглядом на вещи и до того, как она стала разрушительной, критика составляла основную добродетель монаха и аскета, ибо главным моментом ее является рассуждение, трезвость. **Трезвость** есть то, что роднит ученого и монаха, ибо каждый монах призван очистить свое сердце, сноп ум от того, что его загрязняет. То же должен сделать и честный ученый. В христианстве нам дается необычайное искусство этого очищения, указаны даже его ступени. И трезвость является одной из первых ступеней на пути христианского богословия. Эта трезвость заключается в критике себя, в проверке эмоций, сферы душевного. В древности обычно ученый-богослов был монахом и обратно: монах становился богословом. Кто передал нам те ценные рукописи, которые служат сейчас основой нашего богословия? Монахи. Их труд, медленный труд пчелы, труд трезвенный и постепенный, является основой всякого христианского подвига.

Часто мы слышим враждебные нападки со стороны ученых на христианство и упреки в том, что в христианстве есть много нечестного, много поддельного. Действительно, христианами совершались ошибки, нужно признать это. И нужно сбросить те разноцветные бумажки, которые

навешивались на христианство, ибо ложная защита христианству не нужна. Обычно христианство противопоставляют науке. Однако принципиального противоречия между ними нет. И путь науки лучше всего доказывает верность этого. Нам, христианам, есть за что принести покаяние перед людьми науки: Церковь сжигала людей за то, что они утверждали, что Земля вертится. И если наука отошла от Церкви, то не потому, что представителями ее были люди падшие. Это произошло потому, что Церковь хотела владеть этими людьми безраздельно, потому, что в ее давлении на мир, в данном случае, было слишком много нехристианских мотивов, потому, что слишком часто ложь признавалась за истину. В результате, произошел тот трагический разрыв, вследствие которого мы теперь пишем трактаты на тему "Христианство и наука", не отдавая себе отчета в том, что здесь виноваты обе стороны. Ибо мир один и тот же для них обеих. Уважение к правде, саму Правду принес Христос ("Аз есмь Истина" - Ин. 14:6)), поэтому уважение к своему делу и в лаической науке родилось в христианстве, т.к. Христос научил **быть до конца и во всем правдивым**. Есть какое-то недоразумение в подразделении науки на просто науку и высшую науку. "Просто наука" есть псевдонаука, вульгаризованная философией XIX в., и никакого отношения к подлинной научной высоте не имеет.

Сейчас наступает время показать в каждом деле, что мы свидетели Христовы, и жить так, как если бы сегодня был последний день нашей жизни. Христианство обязывает нас относиться по-христиански ко всему. Ипполит Римский сказал, что христианин должен быть лучшим во всяком деле. Мы мало думаем о Словах Божьих: "Яко Твое есть Царство, и Сила, и Слава". Господь есть Царь, и Ему принадлежит и Сила и Слава. Этого нельзя забывать. Нужно не только вернуться к христианской иерархии ценностей, забытой в нашем лаицизированном мире, но восстановить и примат Истины во Иисусе Христе, помня, что не будет подлинного богословия, если не будет жажды Его правды. Это есть **первая часть богословского** метода и основание его.

Вторым методологическим **принципом** является библеизм православного богословия, т.е. живое отношение к Слову Божию, совершенно иссякающее в нашем обществе. Библеизм не есть протестантство, как это часто утверждают. Евангелие лежит у нас на престоле, как Слово Божие, мы кадим перед ним и перед каждым чтением его слышим слова: "И о сподобится нам слышанию" его. Ориген говорит, что есть два способа причащения Христу: через Слово Его и через Таинства.

Но как же пользоваться Словом Божиим? Здесь вопрос метода. Проблема утилизации Слова Божия возникла в определенный момент истории и в Римской Церкви; много богословов ушло из Церкви из-за вопросов понимания Слова Божия и в эпоху модернизации знания. У нас этого еще не случилось, т.к. богословию предоставлена полная свобода критического подхода к Священному Писанию (иногда просто из-за равнодушия к Самому Логосу). Но вопрос по-прежнему остается мучительным, хотя он так вульгаризован, что попадает в совершенно ложную перспективу. Проблема заключается в следующем: **что** есть Слово Божие, все ли факты, в нем заключенные, истинны или нет? В чем заключается роль Исаии, Луки, Павла и других, ибо у каждого из них есть свой индивидуальный "коэффициент", который входит в Божий план. Слово Божие не упало с неба, а прошло сквозь историю, сквозь мозг тех или иных людей. В понимании Писания могут быть отдельные разногласия, но в центр его, как в Ветхом, так и в Новом Заветах, нужно всегда **полагать Христа - это и есть действительный** метод. Многие ссылаются на Священное Писание и оправдывают им свои личные выводы; любой текст в нем находит любое применение. Но мы должны в центре всего искать Христа. Только потому мы и сохранили Ветхий Завет и с любовью читаем его рассказы, что вся ветхозаветная история озарена Христом, что весь Ветхий Завет говорит о спасении людей.

Подлинный богослов никогда не снимает Библию с письменного стола, питается Словом Божиим, в нем заключенном, однако, питается им церковно, т.е. в православном духе. И в этом заключается следующий - **исторический - пункт методологии**. Мы уже приводили определение Предания, данное Викентием Леринским, как того, что "всегда, всеми и всюду принимается". Викентию Леринскому было ясно: все, что он понимал, как "всегда и всюду принимающееся", например, почитание Божией Матери, возникшее в истории, или литургическое служение на антиминсе, не всегда существовало в Церкви. Но правильно ли считать, что это может быть

выброшено, как думают крайние протестанты? И тут его слова получают свое значение. Да, все заключенное в Предании Православной Церкви всегда и всюду принималось, но принималось *implicite* (т.е. внутренним образом). Так, мы могли знать или не знать, что Дева дала плоть Сыну Божию, но факт этот остается фактом и питает нас сознательно или бессознательно для нас. Таким образом, богословие не есть органическое развитие самих фактов, ибо они всегда были, а **познавание** их. Поэтому богослов обязан, прежде всего, знать факты, что приводит нас к необходимости признания исторического метода в богословии.

Обычно историю не любят, говоря, что история может разрушить веру, что лучше выбирать в истории Церкви светлые стороны, чем снова переживать все скандалы и недоразумения, что, т.к. история христианства есть больше история падений, чем побед, изучение ее может только ввести в соблазн. Но мы должны помнить, что история Церкви не есть арсенал фактов, а представляет собой органический пройденный путь, что главным в ней являются не отдельные факты и даты, а само ее существование, которое лежит в поле нашего знания и которое влияет на все остальное (как кто-то сказал: "*La culture c'est ce qui reste, quand tout le reste est oublie*"). И мы сами, поскольку мы не крайние протестанты, для которых существует только Я и БОГ, мы сами включены в общую историю человечества. То, что нас отличает от животных, это присущая человеку память истории. И в этом отношении христианство исторично от начала до конца, что связывает нас воедино одним историческим преданием. Где мы находим Предание? Только в истории. Предание есть то, что передается от поколения к поколению, и в Церкви передача эта есть не просто передача традиции. В Церкви передается Сам Христос, Сама Истина. Что есть передача благодати, как не передача Христа? И апостольская преемственность и передача богословских истин есть та же передача Христа. История Церкви так важна потому, что она есть история этих передач. Вне этой эмпирической церковной истории нет христианства. Чудо христианства не в том, что оно этих святых родило, а в том, что благодать, в нем живущая, остается в нем неизменно. И это не рассказ о прошлом, а некая чудесная тайна, каждым человеком в этой Церкви встречаемая, если он есть член тела Христова. Поэтому важны не подпорки исторического здания Церкви, а то, что за этими подпорками стоит.

Система богословия есть учение святых и великих отцов Церкви и других богословов, вплоть до наших дней; всякое отдельное учение здесь таит в себе истину и никогда целиком ее не выражает. Христианство не стало систематическим осколком истории, оно находится в постоянном становлении. И истину мы схватываем не в разорванных, отдельных ее частях, а во всей ее совокупности ("плирома" - цельность, полнота - *греч.*), как некое органическое целое. Проповедь христианства о Царствии Божиим тоже дана нам в историческом аспекте. Символом Царствия всегда является нечто такое, что может расти, развиваться, нечто органическое, а не являющее собой какую-то абстрактную систему понятий. Такими символами являются, например, семя, которое растет, дерево, под которым птицы могут укрываться. Такова тайна роста Царства Небесного. Относиться честно и правдиво к истории не значит мерить прошлым современную церковную жизнь, любить или не любить ее из-за ее прошлого (такой подход типичен для консерватора или активиста). Нужно любить то, что в ней истинно, любить в ней Христа, Который вчера, сегодня, во веки тот же, Которому угодно было создать Свое Тело в истории. Таким образом, **третьим** фундаментом богословия является **история**.

Четвертым основанием и методом богословия является литургический опыт Церкви. Под ним разумеется не знание богослужебных книг, а само богослужение церковное, как основная часть церковного предания, как сам факт, что Церковь есть, прежде всего. Церковь молящаяся. Без этого момента Церковь, как "единую, соборную и апостольскую", представить себе нельзя. Древо богословия - *lex credendi* - всегда питается от *lex orandi*; это закон питания Церкви. Мы живем в эпоху литургического возрождения, и христиане всего мира все больше и больше начинают понимать, что Церковь в своей основе является соборной и апостольской. О. Сергей Булгаков любил говорить, что свое богословие он черпает из евхаристической Чаши. Эти слова свидетельствуют о том, что подлинное свое вдохновение богослов черпает в храме, в молитве. Богословие есть только раскрытие открываемого Богом человеку в духовном опыте. Но раскрытие это всегда кафолично, как и вся Церковь, и паша жизнь в ней должна быть кафолична. На этом

основана наша вера в "соборную" Церковь. Данное слово - греческого происхождения (кафолон) и означает целостность, согласие в целом. Позднейшее понимание этого слова закрыло смысл прежнего. Целое всегда предшествует части, и часть живет постольку, поскольку она согласуется с целым. В настоящее время каждый выбирает для себя в Церкви то, что ему кажется наиболее важным. А между тем, само слово "выбор" значит по-гречески "ересь".

Если Церковь есть Сам Христос, то все назначение христианства в том, чтобы сделать нас сообразными Христу. И оправдание себя тем, что я, мол, "такой человек и имею такой характер", является чистой психологией, с которой нужно бороться. Если семя, т.е. мое Я, падшее в землю, не умрет, то останется одно. Но если Я умирает, то возрождается в согласии с целым, как отображение согласия с Христом, живущим в Церкви. В каждом христианине отображается весь опыт Церкви, и это есть основа христианства. Опыт каждого отдельного человека может быть расширен до пределов соборного сознания, и в этом основа нашего пути. Сообразовать свою жизнь со Христом, распять свое Я нужно каждому христианину. Но особенно это необходимо богослову, ибо богословие есть отражение и свидетельство всей истины Церкви. Христианство в глубочайшем смысле не провинциально, не индивидуалистично, и поэтому, прежде чем что-нибудь в Церкви отвергнуть, надо убедиться, что оно не совпадает с истиной Церкви, а не с нашими вкусами и желаниями.

Путь богослова не есть безмятежный труд вне мира с его радостями и волнениями. Никакого разрыва между богословием и миром быть не должно. Богослов не должен замыкаться в своей личной жизни, т.к. путь его трудный и ответственный. Если в жизни мы призваны к риску, то этот риск особенно необходим в богословии, и каждый факт, каждый конфликт должен быть проверен Церковью. Эта внутренняя целостность, или кафоличность, достигается молитвенной жизнью, совокупно с аскетическим подвигом и жизнью в храме. Все призваны к почести высшего звания, и нет большего служения, чем служение Слову ("Слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день" - Ин. 12:48). Но служение это не приводит богослова к горделивому чувству, т.к. гордость заключается только в ереси.

На этом можно закончить курс введения в богословие. Но важнее всего того, что я хотел сказать, является мысль о глубочайшем **единстве** всего со всеми. Богословие не есть только занятие, упражнение для интеллектуально настроенных людей, как и монашество не есть только призвание для волюнтаристов. Богословие есть путь перерождения всего человека сообразно Христу. И "Сеющий" и "Жнущий" плоды богословия есть тот же Христос.